

Академик
НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

Советская наука понесла тяжелую утрату: умер Николай Иосифович Конрад — один из самых выдающихся ученых-гуманитариев Советского Союза, ученый с мировым именем, благородный, обаятельный человек. В последние пятнадцать лет Николай Иосифович очень много занимался проблемами Возрождения, отчасти — Просвещения, и это удивительно подходило к его собственному жизнелюбию, которое не смогли сломить никакие годы, и к его собственному энциклопедическому уму. Он был первоклассным знатоком такой сложной страны, как Япония, но не хуже знал и Китай, а западников поражал своим глубоким, профессиональным знанием Европы. При исследовании всех этих сфер Н. И. Конрад без особого труда, как подлинный мастер, становился и литературоведом, и лингвистом, и историком, и философом, и «культуроведом» — специалистом по комплексному изучению культуры.

Н. И. Конрад родился 13 марта 1891 г. в семье железнодорожного служащего, учился в Риге, а с 1908 г. — в Петербурге: на китайско-японском отделении университета и в Практической восточной академии. Одновременно он всячески совершенствовался в изучении европейской культуры. Окончив в 1912 г. оба учебных заведения, Николай Иосифович был послан в Японию, результатом чего явилась его первая печатная работа «Современная начальная школа в Японии» (1913 г.), опубликованная и «Журналом Министерства народного просвещения», и отдельным изданием. Кроме того, Н. И. Конрад занимался в Токио японской и китайской литературами, дальневосточной философией и неоднократно ездил в Корею, где изучал корейский язык.

Вернувшись в июле 1917 г. на родину, Николай Иосифович получил степень магистра японской, китайской и корейской филологии, а после Октябрьской революции активно включился в строительство новой советской культуры. В 1919 г. он стал основателем и ректором Орловского университета, в 1922 г. создал кафедру японского языка и литературы в Ленинградском (тогда Петроградском) университете, которой он заведовал вплоть до 1938 г., как и кафедрой японского языка в Ленинградском восточном институте. С 1931 г. до самой смерти Н. И. Конрад работал в Институте востоковедения Академии наук СССР и во многих других ведущих научных учреждениях. В 1934 г. он первым из русских японистов стал доктором филологических наук; в том же году его избрали членом-корреспондентом АН СССР, а в 1958 г. — академиком.

Но главное было, разумеется, не в должностях и званиях, а в блистательной научной работе Николая Иосифовича. Уже в 1921 г. переводами и исследова-

ниями классических японских произведений он завоевал славу талантливого литературоведа, прекрасного стилиста, умеющего не только анализировать текст, но и глубоко заинтересовывать им читателя. На примере «Записок из кельи» (XIII в.) он наглядно показывает, как в эссеистическом японском жанре «строгие или проникновенные формулы, морализующие и поучающие, сменяются легкими формами поэзии», как «японская танка блестит и играет разноцветными огнями среди успокоенных, немного мрачно и однообразно мерцающих сентенций». Изданная Н. И. Конрадом лирическая повесть «Иса-моногатари» (X в.) была сочувственно встречена критикой: «В первый раз на русском языке появляется научно-обоснованный перевод японского художественного произведения. Перевод сделан автором, обладающим не только безупречным знанием японского языка, но и солидной подготовкой в области теории словесного творчества»¹.

Даже небольшие статьи и заметки Н. И. Конрада становились событиями научной жизни. Таковы, например, его комментарии к «История современной японской литературы» (1961), где развивается гипотеза о японском Просвещении, или опубликованные еще в 1924—1925 гг. рецензии на «Антологию китайской лирики VII—IX вв.», переведенную Ю. К. Щуцким, и на новеллы знаменитого китайского писателя XVII в. Пу Сун-лина (Ляо Чжао), переведенные В. М. Алексеевым. В первой из этих рецензий Н. И. Конрад чрезвычайно интересно говорит о трех возможных типах поэтического перевода, а во второй — высказывает новые и очень важные мысли о «высокой» китайской литературе, о соотношении повествования с диалогом и т. д.

В 1923 г. Николай Иосифович начинает выступать как историк (книга «Япония. Народ и государство», статья «Вопросы японского феодализма»), в 1926—1931 гг. — как театровед: он пишет работы, открывшие для советского читателя японский театр («Театр Кабуки», «Театр Но», «Японский пролетарский театр» и др.), продолжает заниматься вопросами образования («Японские университеты» — 1926, «Народное образование в Японии» — 1931). В 1927 г. появляется одна из самых значительных его книг, к сожалению оставшаяся незавершенной, — «Японская литература в образцах и очерках», а в 1932 г. — статья «Первый этап японской буржуазной литературы», в которой дано единственное на русском языке подробное освещение японских сочинений периода «реформ Мэйдзи» (1868 г.).

Большую роль сыграли и работы Николая Иосифовича о последующем раз-

¹ Журн. «Новый Восток», 1923, № 4, стр. 433.

витии японской литературы: предисловие к роману Танидзаки Дзюнитиро «Любовь глупца» (1929), «Буржуазная литература Японии» (1934), вступительная статья к своему переводу романа К. Нагумэ «Сердце» (1935) и др. В последней работе автор говорит, что повышенный интерес советских читателей к японской пролетарской литературе «вполне законен и понятен. Но как нельзя забывать о существовании в Японии буржуазии, так нельзя забывать и о существовании буржуазной литературы. А ей у нас не повезло». Многие статьи ученого исправляют эту односторонность, хотя он занимается творчеством социалистических писателей Японии (см., например, его работу «По японской литературе» — 1928).

С 30-х годов публикуются лингвистические труды Н. И. Конрада: «Краткий очерк грамматики японского разговорного языка» (1934), «Учебные материалы по японскому письменному языку» (1935), «Синтаксис японского национального литературного языка» (1937) и др. Позднее Николай Иосифович писал и о японском, и о китайском языке, а также о некоторых исчезнувших языках Востока: «О тангутском языке и письменности» (1961), «Звуки мертвого языка» (1962). Последняя работа, как это нередко бывало у Н. И. Конрада, оказалась настолько увлекательной, что ее перепечатавали трижды.

Являясь ведущим советским японоведом, Николай Иосифович оказывал огромное влияние на многих китаеведов, специалистов по Ближнему Востоку, по европейским литературам, лингвистов самых различных профилей, историков, философов. Среди его учеников множество докторов и кандидатов наук, есть и академики, члены-корреспонденты. Многие исследователи, даже не знакомые с ним непосредственно, даже принадлежащие к другим школам, ощущают себя (по крайней мере частично) его учениками — так велико обаяние его трудов и самой его личности.

Важной вехой в изучении словесного творчества народов Азии стал сборник «Восток» в первом выпуске которого (1935) Николай Иосифович опубликовал свои переводы и статьи, в частности, общее предисловие, где он сравнивает между собой классические литературы Китая и Японии, устанавливает их преимущественно феодальный характер и сопоставляет их как со средневековой, так и с ренессансной литературой Европы. Эта статья, не утратившая своего методологического значения до сих пор, положила начало широким исследованиям Н. И. Конрада в области литературных связей. Специально им посвящены его работы «Чехов в Японии» (1944), «Белинский и японская литература» (1948), «К вопросу о литературных связях» (1957), «Проблемы современного сравнительного литературоведения» (1959) и многие другие. Как поясняет сам автор (журнал «Вопросы литературы», 1961, № 12, стр. 244), китайский и

японский материал помогал ему раскрыть отношения между самыми разными литературами.

Если до второй мировой войны Николай Иосифович занимался прежде всего Японией, то в 1945—1954 гг. он создает и новые работы о Китае (публикация трактата «Сунь-цзы», доклад о переводе «Книги песен», статьи «О китайском языке», «О литературном языке в Китае и Японии»). Появление этих трудов было связано с растущим интересом ученого к китайскому народу, который боролся против японских милитаристов, гоминьдановцев, а затем начал строить новую жизнь. В свою очередь, упомянутые статьи были переведены на китайский, японский, немецкий языки и весьма тепло встречены за рубежом. В значительной степени это обуславливалось тем, что Н. И. Конрад выступил против традиционного толкования китайского языка как аморфного и моносиллабического.

Стремясь определить место дальневосточной истории и культуры в мировом процессе, Н. И. Конрад пишет очень важную работу «Средние века в исторической науке» (1955), утвердившую в востоковедении понятие «Средневековье». Тогда же Николай Иосифович работает над китайскими, японскими и обобщающими разделами для «Всемирной истории», высказывает новый взгляд на развитие художественных методов («Проблемы реализма и литературы Востока», 1957), пишет ряд разделов для книги «Китайская литература. Хрестоматия» (1959), которая является как бы аналогом «Японской литературы в образцах и очерках».

Японскую литературу Н. И. Конрад при этом не оставляет (вспомним хотя бы его великолепное предисловие к антологии японской поэзии, статью о романе Такакура Тэру «Воды Хакоэ», послесловие к сборнику литературных работ Кураха-ра Корэхито), но главной его работой того периода была, пожалуй, статья «Начало китайского гуманизма» (1957), открывшая путь к раздумьям автора о гуманизме в его конкретно-историческом понимании, о единстве мировой культуры, об этапах развития гуманистических идей: «Заметки о смысле истории» (1961), «Размышления об истории культурного и научного развития человечества» (1962), «Шекспир и его эпоха» (1964) и т. д.

Одним из аспектов таких раздумий стала концепция о восточном Ренессансе, выдвигаемая и ранее (китайским публицистом Лян Ци-чао, немецким синологом Р. Вильгельмом, советскими учеными Ш. Нупубидзе, В. М. Жирмунским и др.), но получившая наиболее законченное воплощение именно у Н. И. Конрада.

Благородная, столь характерная для личности Н. И. Конрада, идея о единстве всемирного историко-культурного процесса с особой силой отразилась в книге «Запад и Восток» (1966). Эта книга замечательна тем, что в ней впервые с такой компетентностью и уверенностью раздвинуты границы изучения мировой

литературы и мировой истории до пределов всего «обитаемого мира». Н. И. Конрад стремится преодолеть в ней пространственную ограниченность западно-европейского литературоведения. В его труде по-новому выступают подлинные масштабы литературных явлений. Основная идея Н. И. Конрада состоит в том, что подобные общественные явления встречаются во всем мире: в Италии, в Англии, в Китае, Индии, Индонезии. Понятия «Античность», «Средневековье», «Ренессанс» для Н. И. Конрада были понятиями мировой истории, а не локальными категориями. Античность, Средневековье и Ренессанс — это не исторические случайности, а закономерные явления. Ренессанс, утверждал Н. И. Конрад, следует считать «принадлежностью истории тех народов, которые пережили в своем прошлом и свою Древность, и свое Средневековье, и притом в полном развороте этих социально- и культурно-исторических систем. Такими народами, были, видимо, народы Китая, Индии, Ирана и Средней Азии, Греции и Рима²». «То, что у нас названо „Ренессансом“ в истории народов Европы, — явление общемировое, а не местное»³.

Общий исторический процесс, с точки зрения Н. И. Конрада, в то же время глубоко индивидуален для каждого народа. Ренессансные явления в Китае и Корее, в Японии и Закавказье (например, в Армении) — своеобразны. В частности, Н. И. Конрад предлагает «различать Ренессанс автохтонный, т. е. самозарожденный, и Ренессанс, занесенный или отраженный» (стр. 288). Полностью автохтонным явлением, возникшим в силу движения собственной истории, был Ренессанс в Китае, в индо-иранско-среднеазиатском комплексе стран и в Италии. В остальных странах он был отраженным» (стр. 288).

Ренессанс — это любимая эпоха Н. И. Конрада. Но в ином, нетрадиционном свете выступает в его книге и Средневековье. «Добрый глаз» исследователя-гуманиста позволяет ему увидеть Средневековье как необходимый и прогрессивный этап в развитии человечества и человеческой культуры. Н. И. Конрад пишет:

«...Могло ли Средневековье вообще быть сплошным адом, в котором человечество пробыло тысячу лет и из которого это бедное человечество извлек Ренессанс? Думать так — значит прежде всего недооценивать человека, его силы, его труд» (стр. 294). Эти слова знаменательны. Они заставляют не только по-новому взглянуть на средневековье, но и понять точку зрения автора на мировую историю как глубоко оптимистическую.

Возражая против инерции взглядов на Средневековье, Н. И. Конрад предлагает вспомнить «готическую архитектуру, водчество и скульптуру буддийских храмов, мавританские дворцы и сады. Можно по-

думать и о лучезарной поэзии трубадуров и миннезингеров, о рыцарском эпосе и романе, о жизнерадостях, брызжащих юмором народных фарсах, о захватывающих народных зрелищах — мистериях, мираклях и о многом другом, в разных формах и в разных уровнях представленном в культуре и Западе и Востока. Средневековье — одна из великих эпох в истории человечества» (стр. 294).

Но Н. И. Конрад восстанавливает репутацию не только Средневековья. Он искрывает прогрессивные черты и в рабовладельческой формации Греции, Рима, Китая, Индии, показывает общность зародившихся там идей и представлений, общность их судеб. Чрезвычайный интерес представляет то, что во всех этих странах зародилась общая идея «обитаемых земель» — единства человеческого рода, а также независимо друг от друга создались основы важнейшего по своему принципиальному значению учения об атомах (стр. 52).

В книге много говорится не только о типологическом сходстве в развитии отдельных стран и их культур, но и о конкретных связях между ними: о заимствованиях и влияниях, о зависимостях и общих традициях. Единство человечества и мировая общность культур выступает во всем их разнообразии и составляет главное содержание книги.

Книга Н. И. Конрада в равной мере направлена против европоцентризма и азиоцентризма, против национального нигилизма и против национализма, против абстрактного гуманизма и антигуманизма. Она показывает единство человечества, единство его разнообразнейших и сложнейших культур. Она призывает к гуманизму во всех сферах человеческой деятельности и указывает на то, что гуманизм требует бережного отношения к каждому человеку, к каждому творению рук человеческих, призывает беречь культурное наследие всего человечества и отмечает его ценность для всех времен и народов.

Блестяще и легко, с удивительной ясностью написанная книга Н. И. Конрада стала крупнейшим явлением нашей науки и нашего общественного сознания. Она глубоко современна в лучшем смысле этого слова. Ее идеи не только отражают наше современное сознание, — они служат его формированию. Они напоминают нам о величайших завоеваниях человечества, беречь которые наша святая обязанность.

Не случайно книга Н. И. Конрада, переведенная на английский и японский языки, стала одной из самых значительных книг мировой прогрессивной интеллигенции. Отнюдь не случайно, что именно после выхода в свет книги Н. И. Конрада «Запад и Восток», известный английский историк А. Тойнби обратился к нему с письмом, в котором высказал свои самые важные мысли о смысле мировой истории. Это письмо вместе с ответом Н. И. Конрада было опубликовано в

² Н. И. Конрад. Запад и Восток, стр. 23.

³ Там же, стр. 286.

журн. «Новый мир», и переписка эта привлекла внимание мыслящих людей всего мира. Н. И. Конрад защищал в своем письме точку зрения историка-марксиста, точку зрения советского ученого, озабоченного судьбами человечества.

Почти одновременно с книгой «Запад и Восток» Н. И. Конрад напечатал работу о древнеяпонском театре, затем опубликовал интересную статью об Алишере Навои.

Убежденно сознавая единство исторического и историко-литературного процессов, Николай Иосифович, возглавив работу по созданию «Истории всемирной литературы», сумел показать в ней поступательный и прогрессивный характер движения мировой культуры, ее закономерности.

Он стоял также во главе серии «Литературные памятники», добиваясь издания в ней всех наиболее значительных произведений мировой литературы. Отсутствие европоцентризма и выдвижение на первый план памятников общечеловеческого характера и общечеловеческого значения стало благодаря Николаю Иосифовичу типичнейшей и наиболее драгоценной чертой этой серии. Для полноты характеристики огромного диапазона научных интересов Николая Иосифовича очень показательны его глубокие научные эссе по темам, не входящим непосредственно в его специальную отрасль исследования:

послесловия к книгам Б. Роуланда «Искусство Запада и Востока» (1958), Р. А. Штильмарка «Повесть о страннике российскийском» (1962), В. К. Чалояна «Армянский Ренессанс» (1963). И эти выступления Николая Иосифовича неизменно оказывались новаторскими, интересными, бросающими свет на сложный объект научного изыскания.

Научные труды Николая Иосифовича оказывали огромное воздействие на умы передовых ученых за рубежом. Особо должен быть отмечен высокий авторитет Николая Иосифовича в Японии, где он был награжден высшим (для иностранцев) государственным орденом.

Незадолго до смерти Н. И. Конрада под его редакцией вышел и был немедленно переведен в Японии двухтомный «Японо-русский словарь» на 100 000 слов — самый лучший в России. Очень много сделал для нашей науки и культуры этот замечательный человек. Мы не только обязаны чтить его память, мы должны продолжать его традиции, публиковать его неизданные или затерянные в старой периодике работы. Для нас чрезвычайно ценны именно в се труды Н. И. Конрада, ибо во всех его сочинениях заложено многое, что необходимо развивать и продолжать.

В. И. Семанов, Д. С. Лизачев

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ИГНАТЬЕВИЧА БЕРНШТЕЙНА

28 октября 1970 г. на 79-м году жизни скончался известный советский лингвист профессор Сергей Игнатъевич Бернштейн.

Сергей Игнатъевич родился 15 января 1892 г. в Тифлисе, в семье инженера. В 1916 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где его учителями были С. А. Венгеров, Э. А. Вольфер, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртэнэ и Л. В. Щерба. К студенческим годам относятся первые печатные работы Сергея Игнатъевича. Это статьи по библиотечному делу и по истории русской драматургии и театра второй половины XIX в. (Островский, Кони). Однако основными научными интересами С. И. Бернштейна вскоре стали вопросы экспериментальной фонетики и теории декламации. Именно эту проблематику разрабатывал он сначала в университете, затем в Институте живого слова и, наконец, в Институте истории искусств, где им был организован в 1923 г. Кабинет изучения художественной речи, просуществовавший до 1930 г.

Переехав в 1931 г. в Москву, Сергей Игнатъевич до 1935 г. занимался языком радио в Радиокомитете, НИИ радио и телевидения и других учреждениях. После 1935 г. он профессор различных московских вузов (МГПИ им. В. П. Потемкина, МГПИИЯ, МГПИ им. В. И. Ленина, фи-

лологического факультета МГУ), а в начале 50-х годов — старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, где он был одним из составителей Словаря языка Пушкина. С 1954 г. Сергей Игнатъевич уходит на пенсию, однако, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, не бросает научной работы.

Опубликованные работы С. И. Бернштейна группируются вокруг трех основных тем. Это поэтика и теория декламации (О методологическом значении фонетического изучения рифм. «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», М.—П., 1922; Звучащая художественная речь и ее изучение. «Поэтика», I, Л., 1925; Стих и декламация. «Русская речь», Новая серия, I, Л., 1926; Эстетические предпосылки теории декламации. «Поэтика», З, Л., 1927, и др.). Это, далее, синтаксис русского языка (Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. ИОРЯС, т. 25, П., 1920; предисловия к «Очерку» Шахматова, изд. 3 и 4, «Русскому синтаксису» Пешковского, изд. 6). Это, наконец, фонетика, обучение произношению и фонология (книга «Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам». М., 1937; Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛЯ, т. II, в. 6, 1952; Основные вопросы фонологии, ВЯ, 1962,